

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-70-77

УДК 32(045)

ЭКОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА: ДЕСТРУКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ ЭКОЛОГИЗМА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Шатилов Александр Борисович, канд. полит. наук, профессор, декан факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
ashatilov@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена деструктивным и экстремистским аспектам идеологии экологизма (энвайронментализма), а также деятельности современных экологических организаций в России и за рубежом, прежде всего в развитых государствах мира, где «зеленая» тема является наиболее актуальной. Особое внимание уделяется теме ангажированности и субъективной составляющей политической активности экологов, их вовлеченности в проекты политической и экономической конкуренции. Также исследуются различные проявления негативной для общества деятельности «зеленых»: от участия в политических и идеологических манипуляциях до экотерроризма. Кроме того, в статье поднимается вопрос о профилактике и способах борьбы с радикальным экологизмом.

Ключевые слова: экологизм; энвайронментализм; политика; «зеленые»; деструктивность; экстремизм; экотерроризм

ECOLOGY AND POLITICS: DESTRUCTIVE ASPECTS OF THE IDEOLOGY OF ENVIRONMENTALISM AND ENVIRONMENTAL ORGANIZATIONS' ACTIVITIES**

Shatilov A.B.,

Ph.D., Professor, Dean of the Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
ashatilov@fa.ru

Abstract. The article is devoted to destructive and extremist aspects of the ideology of ecologism (environmentalism), as well as the activities of modern environmental organisations in Russia and abroad, especially in the developed countries of the world, where the “green” theme is the most relevant. Particular attention the author paid to the topic of engagement and subjective component of the political activity of environmentalists, their involvement in projects of political and economic competition. Also explores the various manifestations of the negative activities of “green”: from political and ideological manipulation to the terror. Also, the article raises the question of prevention and ways to combat radical environmentalism.

Keywords: environmentalism; environmentalism; politics; “green”; destructiveness; extremism; ecoterrorism

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is prepared according to the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

В общественном мнении, публицистике, да и в научной литературе идеологию экологизма (энвайронментализма) и деятельность экологических организаций принято рассматривать исключительно в позитивном ключе, подчеркивая их роль в деле защиты окружающей среды и здоровья населения. Действительно, активность энтузиастов-экологов не может не внушать уважения, особенно с учетом того, что урбанизация, технологическая революция и активная эксплуатация природных богатств бросают человечеству серьезные вызовы и создают существенные риски.

Тем не менее, в отличие от непрофессионалов, многие экологи и экологические организации ведут деятельность, далекую от интересов общества, к тому же отмеченную выраженной или латентной политической ангажированностью. Более того, как показывает практика, организованная деятельность экологистов невозможна без серьезной финансовой подпитки, а это означает, что в большинстве своем они имеют спонсоров, а стало быть в той или иной степени вынуждены обслуживать интересы поддерживающих их государственных и коммерческих структур.

Поэтому, невзирая на свой образ бескорыстных и бескомпромиссных защитников «зеленого мира» и биосферы, современные экологи чаще всего являются вполне рациональными и ангажированными политическими и бизнес-акторами. И нередко их деятельность носит деструктивный, а то и экстремистский характер. При этом их участие в большой политике и большом бизнесе обусловлено целым рядом объективных и субъективных причин.

Во-первых, такой причиной является их ярко выраженный экологический эгоизм, который проявляется в абсолютизации «зеленой идеи» и принудительном навязывании своих субкультурных приоритетов всему остальному обществу в качестве обязательных. Во многом именно такая жесткая нормативность и безапелляционность экологистов привели их к политической активизации на рубеже 1970–1980-х гг. и созданию профильных политических партий и движений.

Во-вторых, политическая активность экологистов обусловлена их несамостоятельностью и зависимостью от источников финансирования. Ввиду того что экологическая актив-

ность даже на уровне регионов (не говоря уже о национальном и международном уровнях) требует существенных организационных и материальных затрат, экологические структуры не в состоянии существовать на членские взносы или периодические пожертвования меценатов. Это заставляет их искать поддержку в лице политических либо предпринимательских субъектов, которые в ответ требуют от экологов публичной активности и лоббирования тех или иных инициатив спонсоров. Кстати, именно этим обстоятельством чаще всего обусловлены непоследовательность и выборочность деятельности ведущих экологических организаций мира.

В-третьих, политизация современного экологического движения вызвана их идеологическими и мировоззренческими предпочтениями. В настоящий момент большинство экологических организаций (особенно на Западе) встроено в процессы глобализации и либерализации и активно участвует в них на правах «младшего брата». Соответственно их внутри- и внешнеполитическая деятельность вольно или невольно направлена против традиционных обществ и недемократических режимов.

В-четвертых, с учетом того что в развитых странах мира базовые политические, экономические и социальные проблемы решены, существует общественный запрос на латентную и пограничную политику. Поэтому деятельность современных экологов является вполне актуальной и востребованной в благополучных государствах, где население хочет обновления политики, а элиты пытаются изыскать дополнительные возможности для поддержания к ней общественного.

В-пятых, в условиях медиатизации и виртуализации социально-политического пространства ведущие экологические организации просто вынуждены заниматься политической деятельностью и участвовать в политических проектах, чтобы поддерживать свою общественную значимость. Соответственно политическая активность позволяет экологистам регулярно присутствовать в медиаполе и «пираться» в общественном мнении.

Но, как уже говорилось выше, политическая и квазиполитическая активность современных «зеленых» нередко имеет деструктивную направленность. Она проявляется в следующих формах.

УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЯХ

Прежде всего это касается постепенной трансформации идеологических и политических принципов экологизма и его участия в различного рода коалиционных соглашениях. Раньше его традиционными ценностями являлись гуманизм, пацифизм, социальная справедливость, защита окружающей среды. Однако позже в соответствии с принципами политической целесообразности эти приоритеты серьезно изменились. Так, например, если в 1970–1980-х гг. партия «Зеленые» (ФРГ) резко выступала за выход страны из НАТО и против размещения в Германии ядерного оружия и военных баз США, то в 1990-е гг. эти темы у нее отходят на второй план. А в 2002 г. принимается новая партийная программа, в которой партия отказывается от пункта о выходе ФРГ из Североатлантического альянса, невзирая на то, что геополитическая картина мира с крушением СССР и распадом Организации Варшавского договора кардинально изменилась и блок НАТО превратился в откровенный анахронизм времен холодной войны. Более того, пацифистский настрой деятельности западных «зеленых» также пересматривается. Так, например, министр иностранных дел Германии от немецких экологов, в прошлом — леворадикальный активист Йошка Фишер, невзирая на протесты однопартийцев, в 1999 г. открыто выступил в поддержку военной операции НАТО против Югославии, несмотря на то что активные боевые действия угрожали резко ухудшить экологическую обстановку не только на Балканах, но и в Европе в целом. А в начале 2000-х гг. он, хотя и придерживался официальной линии кабинета Г. Шредера о непризнании легитимности американского вторжения в Ирак, тем не менее активно лоббировал участие НАТО в послевоенном восстановлении Ирака (<https://www.dw.com/ru/%D0%B9%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%88%D0%B5%D1%80-%D0%B2-%D1%81%D1%88%D0%B0-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B-%D0%B0%D1%82/a-919358>).

Также в 2000-е гг. почти повсеместно «зеленые» стали разбавлять свою экологическую программу ранее необязательными, а то и вовсе чуждыми ценностями. В частности, в качестве их приоритетов начинают постулироваться

содействие глобализации, защита прав ЛГБТ, поощрение миграции из стран третьего мира на Запад, борьба с авторитарными и тоталитарными режимами и пр. (http://russian-greens.ru/sites/default/files/filepicker/781/hartiya_vsemirnyh_zelenyh.pdf).

Тем самым экологи идеологически содействовали западным элитам в продвижении в общественном мнении новой ценностной повестки дня и обработке своего электората в неолибертарианском ключе.

ДЕЗОРИЕНТАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ПОДДЕРЖАНИЕ НЕЗДОРОВОГО «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АЛАРМИЗМА»

Помимо позитивной части своей программы, «зеленые» активно задействуют в своем политическом продвижении фобии населения современных развитых государств. Более того, во многом с их подачи в современном мире весьма распространенной болезнью становится экофобия, порожденная страхом значительного числа людей относительно возможной глобальной экологической катастрофы. Справедливости ради нужно отметить, что экологистам в этом подыгрывают также литература, СМИ и кинематограф, которые дополнительно нагнетают ужасы нового потопы, великой засухи, ядерного апокалипсиса и прочего экологического свержнегатива.

Кроме того, экологи регулярно формируют в обществе бытовые фобии и предрассудки, которые потом опровергаются учеными. Так, современная наука уже опровергла целый ряд базовых «алармистских» мифов экологов. Например, речь идет о так называемом принципе «гринвошинг», который при поддержке экологов культивируется в ведущих отелях мира с начала 2000-х гг. Постояльцам настойчиво напоминают, что они должны беречь воду и моющие средства, чтобы избежать «истощения ресурсов Земли». В действительности же такая политика является не более чем стремлением отельеров сэкономить на своих гостях. Аналогичная ситуация с обвинениями «зеленых» в адрес промышленного производства — якобы его развитие ведет к увеличению выбросов вредных веществ в атмосферу. При этом не учитывается тот факт, что рост производства в мире происходит параллельно с совершенствованием технологий. На самом деле с 1957 по 2001 г. промышленные выбросы

в атмосферу сократились на 62% (<https://www.kp.ru/daily/22575/18375/>). Научкой и практикой были опровергнуты и другие экологические мифы: о вреде кислотных дождей, рукотворном происхождении озоновых дыр, глобальном потеплении, необходимости раздельного сбора коммунальных отходов и пр.

При этом радикальные экологи, вписанные в неолибертарианскую «повестку», находят все новые пути давления на современные общества, зачастую втягивая в свою активность детей и подростков. Примером может служить раскрутка проекта «Грета Тунберг». Грета Тунберг — шведская школьница, экологическая активистка, которая создала движение Fridays For Future (пятницы ради будущего) и призвала всех учащихся страны и мира вместо учебы по пятницам проводить забастовки, чтобы привлечь внимание политиков к изменению климата. При всей абсурдности акции и невежестве школьницы этот флешмоб получил мощную медиаподдержку в западных СМИ, сама Тунберг в декабре 2018 г. была принята генсеком ООН Антониу Гутеррешем, а в январе 2019 г. посетила Всемирный экологический форум в Давосе (<https://baltnews.ee/authors/20190411/1017575802/ekologiya-dubinka-21-vek-zapad-shantazh.html>).

Более того, продвигая в жизнь свои идеалистические (эгоистические) принципы, экологи зачастую игнорируют текущую политическую и экономическую конъюнктуру, а также интересы большинства. В частности, как в России, так и в других странах мира центральные и региональные власти нередко сталкиваются с требованиями «зеленых» активистов закрыть то или иное производство по причине «недостаточной экологичности». При этом «зеленые» чаще всего не учитывают тот факт, что многие предприятия являются градообразующими, и при осуществлении «экологического сценария» тысячи людей останутся без работы и средств к существованию. Как отметил блогер Олег Макаренко, «по мнению экологов, хороший завод — это закрытый завод, территория которого густо засажена диким лесом». Более того, автор обвиняет экологов в тотальном лицемерии: «Они будут подкармливать зимой птичек салом убитых свиней. Они будут мыть руки вместо обычной воды влажными салфетками — на изготовление каждой из которых уходит больше воды, чем можно потратить на

мытье с мылом нескольких десятков конечностей» (<https://yablor.ru/blogs/dvenadcat-prichinenavidet-ekologov/2448160>).

РАДИКАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АКТИВИСТЫ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ В АТАКАХ НА ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И БИЗНЕС-ИГРОКОВ

Еще одним важным направлением политико-экономической активности современных экологов является протестная деятельность. Невзирая на то что экологические организации уверяют общественность в чистоте своих помыслов и бескорыстности, есть все основания подозревать их в ангажированности и лоббировании проектов тех или иных заказчиков, т. е. в ведении банальной коммерческой деятельности под «зеленым» прикрытием. Чаще всего профессиональные экологи задействованы в различного рода корпоративных и отраслевых конфликтах, а также используются крупным бизнесом для давления на власть при продвижении ресурсоемких проектов. Как пишет один из современных исследователей, «На Западе «зеленые», в первую очередь — Гринпис — давно превратились в могущественные корпорации с миллиардными оборотами денежных средств. Они успешно конвертируют в деньги свое влияние. Для этого они организуют яркие и зрелищные публичные акции, привлекающие внимание телевидения и тиражируемые затем по всему миру» (<http://ecoleaks.info/6447-2/>). В качестве примера можно привести скандальную акцию Гринпис против нефтяного освоения Арктики, начатую в то время, когда российские власти обозначили приоритетность «арктического вектора» своей энергетической политики. Тогда, в августе 2012 г., активистами организации была атакована буровая платформа «Газпрома» — «Приразломная», а также российское сейсморазведочное судно «Геолог Дмитрий Наливкин», что привело к вмешательству погранслужбы Российской Федерации, которая временно задержала агрессивно настроенных экологов. В свою очередь, это вызвало бурную правозащитную кампанию в ведущих западных СМИ, результатом которой стала заморозка на один год работы «Газпрома» и его партнерской компании Royal Dutch Shell (http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2012/September/21-09-2012-Gazprom_broken_dreens).

Тем не менее это не остановило радикальных экологов и с подачи своих заказчиков (прежде всего конкурентов «Газпрома») 18 сентября 2013 г. они вторично атаковали «Приразломную», спровоцировав ответные жесткие контрдействия нефтяников и пограничников (задержание активистов и арест судна «Арктик Санрайз»).

Примечательно, что откровенная заказная и радикальная направленность данной акции Гринписа вызвала негативную реакцию даже у российской либеральной общественности. В частности, известная журналистка Юлия Латынина в эфире радиостанции «Эхо Москвы» назвала Гринпис «экологическим Хамасом, который считает, что может отмотать все, что угодно, и им все сойдет с рук» (<https://dni.ru/society/2013/10/7/261372.html>). Кстати, в настоящее время Гринпис продолжает свою активную антироссийскую геополитическую и геоэкономическую игру, теперь уже торпедируя газопровод «Северный поток-2» (<https://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/greenplanet/2/blog/61606>).

Справедливости ради стоит сказать, что привлечение экологов враждующими сторонами к бизнес-конфликтам — не редкость и для российской корпоративной действительности. Взять хотя бы противостояние в 2005–2010 гг. по поводу нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), который лоббировали «Роснефть» и ее китайские партнеры, а им противостоял альянс «Газпрома» и РЖД (косвенно на их стороне также находилось руководство «Транснефти», всячески затягивающее строительство). Последние привлекли на свою сторону экологов, которые стали атаковать ВСТО по «зеленой» линии, используя то тему загрязнения Байкала, то тему угрозы местам обитания дальневосточного леопарда, находящегося под защитой ЮНЕСКО (<https://textarchive.ru/c-1055759-pall.html>).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АКТИВИСТЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НКО ПРЯМО ИЛИ КОСВЕННО ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ В СВЕРЖЕНИИ НЕУГОДНЫХ ИХ СПОНСОРАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ (В ТОМ ЧИСЛЕ В РАМКАХ СЦЕНАРИЕВ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»)

В силу своей аффилированности с неолибертарианскими элитами экологи нередко принимают участие (прямое или косвенное)

в проектах по свержению недемократических режимов, в том числе «цветных революциях». Их обязанности сродни обязанностям других «правозащитных» организаций — «максимальная дискредитация государства посредством сбора информации о мнимом нарушении прав человека» (<https://topwar.ru/71740-kadrovyy-resurs-cvetnyh-revoluciy-na-kogo-opiraetsya-ssha-v-provokacii-haosa.html>), в данном случае — о нарушении «экологических прав». Кроме того, их активисты довольно часто принимают участие в различного рода акциях протеста, начиная от пикетов и сидячих забастовок до «майданов». Особенно эффективным участие экологов в оппозиционном движении является в развитых странах, где «экологическая повестка дня» стала насущной для значительной части населения (особенно это касается мегаполисов). Конечно, в Тунисе, Египте или Ливии роль экологов в «цветных революциях» была минимальна, однако в Югославии и на Украине «зеленые» внесли достаточно весомый вклад в свержение С. Милошевича и В. Януковича.

Кстати, в последние годы оппозиционные экологи активизировались и в Беларуси, где они тесно смыкаются с белорусскими националистами. Более того, на рубеже 1980–1990-х гг. «зеленые» приняли активное участие в сломе системы управления СССР и дискредитации власти КПСС. В частности, в своем большинстве экологические структуры того времени либо были прямыми участниками движения «Демократическая Россия», либо поддерживали ее платформу. Как отмечают современные ученые Г. А. Трифонова и И. А. Чувашенко: «Идея всеспасительности западных форм цивилизации, доминировавшая в сознании общественно-активного населения, увлекла в тот период и экологическое движение. Пример западных стран, „справившихся“ с экологическими проблемами у „себя дома“, казался убедительным доказательством экологической эффективности частной собственности и парламентской демократии» (<https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekologicheskogo-dvizheniya-v-rossii>).

А в 2018–2019 гг. экологи активно задействованы Западом в проектах по дискредитации уже российской власти и раскачиванию ситуации на местах. Например, уже упоминавшийся Гринпис требует остановить строительство Юго-Восточной хорды в Москве, которая якобы пройдет через могильник ядерных отходов.

Реальная цель — затормозить разгрузку столичных магистралей и породить у москвичей-автолюбителей негативное отношение к городской власти.

Но наибольший резонанс имеют акции политэкологов и их союзников в отношении так называемой «мусорной реформы», связанной с созданием системы регулирования сбора и утилизации мусора, в частности со строительством мусоросжигательных заводов и новых полигонов для захоронения отходов. Одновременно реформа сопровождается ростом тарифов на вывоз и утилизацию мусора. Во многом ее запуск был вынужденным, поскольку практически 40 лет никаких подвижек с проблемой утилизации мусора (особенно в мегаполисах) не было. Более того, после 1991 г. была ликвидирована советская централизованная система сбора и вывоза отходов. «В 1990-е гг. от этой системы отказались, что параллельно с новыми вызовами (например, появился пластик) позволило образоваться масштабной мусорной проблеме. Повсеместно во всех регионах стали образовываться стихийные свалки, переполнялись полигоны для утилизации ТБО, жители близлежащих с ними населенных пунктов задыхались от смрада. Ежегодно в России образовывалось 70 млн т мусора, утилизировать который оказалось некуда. Стало ясно, что пришло время для реформирования мусорной сферы», — отмечается на специализированном сайте, посвященном «мусорной реформе» (<https://xn--7sbbt6addhepdce1ax6o.xn--p1ai>).

Все это стало поводом для активизации оппозиции. Причем «левая» ее часть выбрала для критики Правительства России тему повышения тарифов, а либеральная — экологическую. В этом плане показателен пример протестов либеральной общественности на станции Шиес Сольвычегодского региона Северной железной дороги, где планируется создать полигон (ЭкоТехноПарк) для захоронения твердых бытовых отходов из Московского региона. Показательно, что как сама станция, так и территория в округе 20 км является необитаемой. Тем не менее несистемные оппозиционеры активно будируют проблему «экологических рисков для местных жителей», попутно нагнетая негатив по поводу эгоизма москвичей (<https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6540861>).

В случае с оппозиционной деятельностью экологов многое проясняется, когда раскры-

ваются имена их спонсоров. Финансирование «зеленым» предоставляли и предоставляют до сих пор «надгосударственные образования и союзы (специальные программы помощи „новым независимым государствам“ со стороны Европейского союза, НАТО и др.); государственные институции (типа Агентства по международному развитию США или посольства Королевства Нидерландов с его программой „малых грантов“); неправительственные организации (бывший Институт советско-американских отношений, Мильеконтакт-Ост Европа в Нидерландах и др.); межрегиональные квазиобщественные организации (наиболее известной из них является Региональный экологический центр в Будапеште, первоначально обслуживавший страны Центральной Европы, а затем распространивший свое влияние и на Восточную Европу); инициативы отдельных государств (Лондонская инициатива) и, наконец, многочисленные общественные и частные фонды (Фонд Эберта, Сороса, Форда, Карнеги фонд)» (<https://www.planet-kob.ru/articles/4045>). Заинтересованность Запада в деятельности наших оппозиционных экологов налицо. Недаром так много экологических НКО в России попали в списки иностранных агентов, которыми они во многом и являются — не только по источникам финансирования, но и в силу политической направленности своей деятельности.

ОПРЕДЕЛЕННАЯ ЧАСТЬ «ЗЕЛЕНых» ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ТЕРРОРИЗМЕ

Экологическая культура, несмотря на, казалось бы, свой миролюбивый и плюралистический характер, на самом деле является весьма агрессивной и монологичной, нетерпимой к альтернативным точкам зрения. Радикальные экологи часто используют некорректные методы давления на оппонентов, причем в их среде такие акции «прямого действия» не только не осуждаются, но и воспринимаются с одобрением. При этом их методы «отстаивания истины» могут быть самыми жесткими и противоправными: обливание краской «врагов экологии», поджоги офисов обвиняемых компаний, перекрытие автомобильных и железнодорожных магистралей, неолуддизм, черный пиар в прессе и пр.

Наиболее экстремистски настроенные сторонники «зеленой идеи» встают на путь

экоотерроризма. Конечно, не всякий экологический радикализм можно огульно отнести к террористическому, между ними есть существенная разница. Тем не менее акции экологов и прочих защитников природной среды зачастую наносят существенный материальный урон физическим и юридическим лицам, а бывает, создают угрозу безопасности граждан. ФБР США определяет экологический терроризм как «применение или угроза применения насилия криминального характера против невинных жертв или имуществу граждан со стороны экологически ориентированных, межнациональных групп по эколого-политическим причинам, либо направленных с целью привлечения внимания» (<https://ca.idebate.org/ru/debatabase/tematika/ekonomika/ep-nebudet-nakazyvat-za-ekologicheskij-terrorizm>). При этом экстремисты от экологии руководствуются не правовыми нормами, а эмоциями или чисто произвольно понимаемой справедливостью.

Такого рода правовой нигилизм сродни деятельности террористических структур, которые также пытаются навязать обществу свой субкультурный порядок насильственными средствами. Так, например, в январе 2015 г. трое экоактивистов разбили рекламную вывеску, два окна, холодильную витрину и камеру наблюдения мясного магазина «Страшный сон вегана» в Санкт-Петербурге. При этом, по словам участницы акции Анастасии Соколовой, причиной погрома стало лишь «правдивое, но оскорбительное для зоозащитников название» (<https://www.the-village.ru/village/city/ustory/327131-ekoterra>). Тем не менее отечественные экологи-экстремисты пока не могут конкурировать со своими западными «коллегами». Особо опасными экоотеррористами считаются, например, «члены Фронта освобождения животных (ALF), которые выступают против использования животных в медицинских экспериментах, а также Фронта освобождения Земли (ELF), защищающего путем насилия природную среду от уничтожения и эксплуатации». Наиболее резонансные акции Фонда освобождения животных в США — поджоги горнолыжного курорта в Вейле (1996), бюро по управлению земельными ресурсами в штате Орегон (1997), жилого комплекса в Сан-Диего, штат Калифорния (2003 г.) (<https://www.the-village.ru/village/city/ustory/327131-ekoterra>).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕРЕДКО ЯВЛЯЮТСЯ «КРЫШЕЙ» ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК, А ИНОГДА САМИ ВЕДУТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ ШПИОНАЖ

Экологическая активность и/или экологические исследования уже со второй половины XX в. стали удобным прикрытием для работы разведок различных государств на иностранной территории. Широкими слоями населения данная деятельность обычно воспринимается как безобидная и даже имеющая значительную общественную ценность. Это приводит к тому, что на работу экологов не только граждане, но и правоохранительные органы смотрят сквозь пальцы, зачастую выпуская ее полностью из-под контроля. При этом в большинстве стран мира значительная часть экологической информации относится к числу закрытой и секретной. Это связано с тем, что данные об объемах повышенной экологической опасности, добыче стратегических запасов природных ресурсов, выбросах в атмосферу загрязняющих веществ предприятий, утилизации ядерного, химического и бактериологического оружия и пр. являются информацией «двойного назначения» и могут быть использованы против страны как ее зарубежными противниками, так и террористами.

Зачастую экологический шпионаж осуществляется под видом международного научного сотрудничества. Для России эта проблема была особо актуальна в 1990-е гг., когда ее контрразведка находилась в полуразрушенном состоянии, а ведущих сомнительную деятельность отечественных и зарубежных «экологов» прикрывали высокопоставленные чиновники и общественные деятели (например, председатель Межведомственной комиссии Совбеза России по экологической безопасности в 1993–1997 гг. А. В. Яблоков).

Тем не менее на рубеже 1990–2000-х гг. отечественные спецслужбы пресекли деятельность целого ряда российских специалистов, которые передавали иностранным государствам сведения закрытого характера. Особенно резонансным стало дело Григория Пасько, который, работая военным журналистом, собирал для японской стороны секретную информацию о ВМФ России. При этом сам Пасько отказался признать себя виновным и настаивал на том, что пострадал за сбор информации сугубо эко-

логического характера (<https://rg.ru/2009/10/29/pasko.html>).

Схожие претензии у российских правоохранительных органов возникли также в отношении председателя правления экологического правозащитного центра «Беллона» Александра Никитина (за подготовку доклада «Северный флот — потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона» с использованием секретных данных), заведующего лабораторией ядерной океанологии Тихоокеанского океанологического института Владимира Сойфера (за хранение секретных гидрологических данных и совершенно секретной карты бухты Чажма в Японском море, где базируются атомные подводные лодки Тихоокеанского флота), заведующего сектором отдела военно-политических исследований Института США и Канады Игоря Сутягина (за передачу иностранным государствам секретных материалов, касающихся российского атомного подводного флота) (http://www.ng.ru/politics/2002-09-19/1_ecologists.html).

Кроме того, на экологическом шпионаже периодически попадают российской контрразведке и зарубежные «ученые» и «специалисты». Так, например, по делу И. Сутягина был проведен обыск у американского исследователя, сотрудника Принстонского университета Джошуа Хэндлера, который проходил официальную стажировку в Институте США и Канады РАН (<http://trud-archive.ru/?news=6068>). Еще раньше, летом 1995 г., в окрестностях закрытого города Железногорска был задержан Джеймс Карл Линч, профессиональный американский разведчик, якобы проводивший экологическое исследование уровня загрязненности Енисея. При нем было найдено шпионское оборудование, в частности, прибор GPS, карты министерства обороны США, дневниковые записи с цифровыми пометками и зарисовки отдельных участков территории Железногорска (https://www.e-reading.club/chapter.php/54984/14/Strigin_-_KGB_byl%2C_est%27_ibudet._FSB_RF_pri_Barsukove_%281995-1996%29.html).

Экологический шпионаж и разглашение государственной тайны по экологической линии характерны не только для России, но и для других государств мира. В качестве примера можно привести скандал в Израиле в 2007 г., когда местные экологические «доброжелатели»

передали в Гринпис в рамках кампании за безъядерный Ближний Восток данные о ядерных объектах этого государства, которые экологи потом обнародовали в своем официальном докладе (<http://www.ecocommunity.ru/news.php?id=1819>).

КАКИЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С «ПОЛИТИЗИРОВАННЫМИ» ЭКОЛОГАМИ МОЖЕТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО?

С точки зрения сложившейся социально-политической конъюнктуры, наименее эффективными являются методы регулярного силового давления и тотальных запретов. Во-первых, это практически сразу приводит к брожению в обществе и контрдавлению на государство со стороны различного рода правозащитных организаций. Во-вторых, это создает экологам романтический образ гонимых и обиженных властью борцов за «зеленую идею». Конечно, речь не идет о том, чтобы игнорировать противозаконную деятельность политиков-экологистов, которая выходит за рамки Уголовного кодекса, тут наказание должно следовать неукоснительно. Однако наиболее целесообразными, с точки зрения регулярной работы на «экологическом фронте», представляются действия в русле политики «мягкой силы». К таковым (применительно к России) относятся:

1. Создание популярных «лоялистских» экологических организаций, находящихся в конструктивном диалоге с властью.

2. Привлечение на свою сторону молодых экологов через создание массового волонтерского движения по образцу советских студенческих дружин по охране природы и студенческих экологических отрядов.

3. Регулярный мониторинг экологической ситуации на местах и разъяснение его результатов специалистами населению регионов.

4. Разоблачение ангажированности и подрывной деятельности экологических организаций — иностранных агентов, прежде всего в СМИ.

5. Разъяснение населению необоснованности экологического алармизма, популяризация идеи здорового образа жизни.

6. Введение наказания для политических и бизнес-акторов, которые для лоббирования своих проектов используют тему экологического алармизма.